

И все-таки при всем том, несмотря на все спекуляции и злоупотребления, продажи совершались в значительном количестве и малыми участками. Наряду с крупными буржуа, которые сразу нажились на покупке национальных имуществ, в некоторых частях Франции, особенно восточных, громадные количества земель перешли, как это доказал профессор Лучицкий, в руки бедных крестьян. В этих областях совершилась настоящая революция в распределении земельной собственности.

Кроме того, революция постаралась также нанести прямой удар классу больших собственников из аристократии и разрушить крупную собственность вообще, уничтожая право первородства при наследовании. С этой целью уже 15 марта 1790 г. было отменено феодальное законодательство о наследствах, в силу которого все имение передавалось одному только из потомков, обыкновенно старшему сыну. Затем, год спустя, по закону 8–15 апреля 1791 г. всякое неравенство в долях наследства окончательно отменялось. «Все наследники в разной степени родства наследуют *равные доли* имуществ, переходящих к ним по закону», - говорилось в этом законе. Затем число наследников было увеличено зачислением в законные наследники более далеких родственников и незаконных детей; и наконец, 7 марта 1793 г. Конвент уничтожил самое «право завещания и дарственной записи». «Все потомки будут иметь право на равные части имущества», - гласил этот закон.

Таким образом, дробление имуществ становилось обязательным, по крайней мере при наследовании.

Каковы были последствия этих трех крупных мер: уничтожения феодальных прав без выкупа, возвращения общинам их мирских земель и продажи имуществ, отобранных у духовенства и эмигрантов? Как повлияли они на распределение земельной собственности? Этот вопрос обсуждают до сих пор, и ответы на него остаются разноречивыми. Можно даже сказать, что ответы получаются различные, смотря по тому, какую часть Франции преимущественно изучал тот или другой исследователь¹.

Но одно выступает ярко, и в этом сомнения нет. *Земельная собственность разбилась на более мелкие участки*; там же, где революция увлекла за собой массы народа, *большое количество земель перешло на несомненно выгодных условиях крестьянам*. И везде, повсеместно, застарелая черная нужда, нищета и голод, обычные при «старом порядке», начали исчезать. В XIX в. уже не было тех хронических голодовок, какими отличался XVIII в.

До революции голод свирепствовал каждый год в той или другой части Франции. Крестьяне жили тогда так, как теперь живут в России. Сколько бы ни работал крестьянин над своей землей, у него не хватало хлеба от одной жатвы до другой. Пахал он плохо; семена были из рук вон плохи; скотина была оголодавшая, мелкая, истощенная недоеданием и не давала нужного удобрения. Из года в год урожаи становились все хуже да хуже.

Но вот пришла революция. Ее ураган был ужасен. Страдания, которые вынес народ во время революции, особенно вследствие войны, доходили до отчаянного напряжения. По временам казалось, что пропасть, разверзшаяся перед Францией, сожрет ее! А после революции пришла Директория с ее безумной роскошью нажившейся буржуазии, а затем - ужасные войны Наполеоновской империи. В 1814 г. возвратились Бурбоны, посаженные на французский престол коалицией иностранных королей и императоров. А с ними пришел белый террор, еще более ужасный, чем красный террор. И люди поверхностные спешат вывести заключение: «Вы видите сами, - говорят они, - что революции ни к чему не ведут?»

Но были две вещи, которых никакая реакция не могла изменить. Франция была настолько демократизована революцией, что человек, проживший несколько времени во Франции, если он живет потом в любой другой стране, Англии, Германии, Бельгии и т. д., не может постоянно не замечать, что в этих странах еще не совершилась Великая революция. Крестьянин во Франции стал человеком. Он более не тот «дикий зверь», которого описывал Ла Брюйер. Он стал мыслить. Но и самый вид деревенской Франции в корне изменился со времени революции, и даже белый террор не смог вернуть крестьянина под прежнее иго. Конечно, во Франции, как и везде, осталось еще слишком много бедности. Но эта бедность - богатство по сравнению с тем, чем была Франция 150 лет тому назад, и с тем, что мы видим до сих пор в других странах, оставшихся при старых земельных порядках.

¹ В Кот д'Ор церковные имущества были скуплены преимущественно средним сословием, а не крестьянами. Земли же эмигрантов в той же области были куплены преимущественно крестьянами. В Лаонне (Laonnais) крестьяне больше скупили церковных земель, чем буржуазия, тогда как земли эмигрантов распределились приблизительно поровну между крестьянами и буржуазией. В северной части Франции много земель было куплено товариществами крестьян (Sagnac Ph. Op. cit., p. 188).